

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

УДК 811.161.1'06
ББК 81.411.2

СИСТЕМА, УЗУС И РИСКИ ИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Сиротинина Ольга Борисовна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации
Саратовского государственного университета,
заслуженный деятель науки РФ
skunak@mail.ru
ул. Астраханская, 83, 410012 г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены изменения в системе и узусе русского языка при жизни одного человека. Выявлены причины и следствия изменений – обогащение или обеднение языка.

Ключевые слова: русский язык, система, узус, изменения, риски, обогащение системы, обеднение системы, заимствования.

Любой язык (естественно, и русский) живет: изменяется его узус и вслед за ним от поколения к поколению происходят постепенные изменения в системе. Лингвистическая школа, созданная профессором С.П. Лопушанской в Волгоградском государственном университете, исследует именно эти процессы в истории русского языка в аспекте модернизации и модификации отдельных языковых явлений [8].

Общеизвестно, что в истории языков возможны периоды сравнительно быстрых изменений под влиянием экстралингвистических факторов. За мои 90 лет я оказалась живым свидетелем существенных изменений в узусе, в ряде случаев повлиявших на некоторые участки системы самого языка (что наи-

более ярко выражено в лексической системе), а также особенно сказавшихся на системе правил и запретов в речевом поведении (система обращений, фактическое устранение в 20-е гг. знаков вежливости, а в середине XX в. – попытки ее возрождения, в 90-е – экспансия в речь всего иностранного и нелитературного, и т. д.).

Мои воспоминания о фактах речевого взаимодействия людей в разные периоды, начиная с первой трети XX в. и кончая 2013 г., специальные исследования научной речи и СМИ с 1900 г. [1; 2], а с 80-х гг. XX в. – детализированный мониторинг отдельных явлений русской речи сформировали в моем сознании гипотезу о рискогенности не только для общающихся (повседневные, профессиональные

и социальные риски), но и для самой системы языка. Как речевая мода (изменившийся узус) действует на систему, так и узус изменяется под влиянием на него «болевых» участков самой системы (лексические лакуны в системе номинаций, недостаточная четкость в противопоставлении значений и их коннотаций, отсутствие родных аффиксов для обозначения нужной семантики и т. д.).

Несоответствие коммуникативной потребности и системной возможности – одна из наиболее частотных причин изменений системы под влиянием уже сложившихся изменений в узусе. Такие изменения эффективны: облегчают понимание и обогащают возможности системы, способствуют развитию языка.

Однако в узусе бывает и слепое следование языковой моде или, как это бывало в первой трети XXI в., подчинение навязанным сверху предписаниям (элементарная вежливость объявлялась буржуазным предрассудком и лицемерием, а потому становилась опасной, что явно не обогащало, а обедняло систему языка и возможные варианты речевого поведения, формируя привычную сегодня грубость и агрессивность). Ярким примером такого изменения в XX в. явилось изменение орфографического принципа в написании слова *параолимпийский* на *паралимпийский*, которое в радиопередаче «Как это по-русски» (19.07.2013) названо коммерческим. Хотя в «Русском орфографическом словаре» 2012 г. есть и написание *параолимпиада* с пометой «официальное» [5], но по коммерческому принципу создано уже и официальное название «Паралимпийский комитет». Порождение риска непонимания сути такой номинации отмечено в письме в радиопередачу: *Значит, кроме олимпийцев есть еще какие-то лимпийцы?* (автор письма возмущен, но есть риск, что многие так и поймут).

Все коммерческие или просто «безграмотные упрощения» системы очень опасны и «заразны» – под влиянием СМИ буквально помимо воли рядовых носителей (по выражению Г.П. Нешименко, «пользователей») они оседают в головах и бездумно воспроизводятся, к сожалению, даже людьми с высоким уровнем культуры (по выражению Г.П. Нешименко, «носителями языка»). Наглядным примером такого бездумного воспроизведения

осевшего в мозгу нарушения норм является замена фактически уже утраченного глагола *надеть* глаголом *одеть*. Даже в речи профессора-лингвиста мною зафиксировано употребление только глагола *одеть*: *Я одела это платье; Я специально одела закрытые туфли, услышав, что будет дождь*; и т. д. А после моего замечания последовал ответ: *Знаю, но все же так говорят*. Причина вытеснения глагола *надеть* рассмотрена мною в предыдущих статьях [6; 7]. В данной статье обращаю внимание на словообразовательную продуктивность *одеть* (*одежда, одевание, одеваться, одежда, одеяло* и т. д.) при отсутствии таковой у *надеть*. Судя по данным Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), процесс вытеснения глагола *надеть* начался давно, но сейчас он, видимо, уже завершился, потому что этот глагол продолжают употреблять лишь единицы, хотя словари по-прежнему фиксируют оба слова.

Языковая мода чаще всего тлетворна (вызывает обеднение системы языка), облегчая производство речи, но затрудняя при этом ее точное понимание. Бороться с ней можно и нужно, хотя нелегко. Однако мой мониторинг речи фиксирует и явные успехи. Так, явно закончилась мода на употребление слова *тинейджер*, возродилось русское, понятное по своей внутренней форме *подросток*. Начинает отступать мода на слово-паразит *как бы*, лишенное указаний на неточность (*Я как бы женщина; Я как бы боюсь*), которое еще недавно звучало в любой спонтанно произнесенной фразе и по радио, и с экранов телевидения. Сдает свои позиции модного и потому частотного в неправомερных сочетаниях слово *достаточно* (*достаточно редко (плохо, низкого уровня)*) при возрождении еще год назад совершенно, казалось бы, забытого *довольно*, в силу своей семантики неопределенности сочетающегося с прилагательными, называющими любые признаки (и *довольно хороший*, и *довольно плохой*); просторечное *схожий* вытесняется уже возрождающимся *похожий* (не *сходный*); и т. д.

СМИ играют огромную роль не только в распространении и даже создании моды, но и в противоборстве ей. В этом отношении показательна судьба обстоятельства меры, степени *крайне*. Еще год назад оно «завоевывало» в

СМИ статус модного, вытесняя *очень*, уж не говоря о других возможностях лексического наполнения этой позиции. Сейчас, в середине 2013 г., наиболее частотны *очень*, но «работают» и более выразительные (*крайне вредно; общество чудовищно дезинформировано; даже офигенно красиво; и т. д.*) при еще более частотном, чем *очень*, *довольно* (*довольно быстро; довольно редко; довольно негативно; довольно дальнего полета; и т. д.*), что, увы, в свою очередь усиливает моду на все неопределенно-диффузное (см.: [3; 6]).

Поощряя разнообразие лексического наполнения синтаксических позиций и самих синтаксических конструкций, СМИ сохраняют богатство русского языка. Поощряя однообразие моды, — обедняют язык, его смысловые и выразительные возможности.

Ярким примером обеднения является сохранение в СМИ моды на просторечное словечко *аккурат*, вытеснившее из них литературные *как раз, точно, ровно* или *за несколько часов / минут до..., около / в двух шагах от...* и т. д. Возможное разнообразие почти неиссякаемо, а используется только *аккурат*. В результате исчезает возможность точных обозначений пространственных и временных координат, а следовательно, происходит обеднение системы языка.

Изменения в узусе, затрагивающие постепенно и систему языка, происходят не только в лексике. Есть подобные изменения в словообразовании. В прошлом это, например, распространение словообразовательного суффикса *-чик* (производные создаются не только от глагольных — *летчик, счетчик, переписчик*, — но и от субстантивных основ — *газетчик, ракетчик*), в XXI в. — все расширяющееся использование заимствованного из английского языка процессуального суффикса *-инг*, употребляющегося уже и в тех случаях, когда в русском языке нет однокоренных глаголов (*лифтинг, банкинг, джикинг*), а в оппозиционных СМИ даже при образовании именования каких-либо процессов от фамилии: *Возможен ли еще и маргеллинг?; путинг* (как номинация разного типа процессов). Недавно появилось и *Но ливанинг* (Поиск. 2013. № 27) в качестве заголовка к статье, направленной против предложенного министром Д. Ливановым реформирования РАН. Во всех этих случаях при помощи суффикса

-инг подчеркивается процессуальность явления. Но закономерны ли для системы русского языка с флективным разграничением глаголов и существительных использование суффикса *-инг* не в заимствованных, а в образованных от существительных — имен собственных — словах? Суффикс *-инг* обогащает возможности русской деривации, но не разрушает ли ее такие неологизмы?

Нарушающим даже только что образовавшиеся возможности системы словообразования (обозначение при помощи суффикса *-инг* каких-либо процессов) стало заимствованное из английского языка слово *консалтинг*. В английском языке словом *consulting* может быть назван и процесс осуществления консультации, и организация, в которой можно получить совет, посоветоваться. С этими же значениями *консалтинг* вошло в русский язык (*consulting < to consult* — «советоваться, консультироваться. Система профессиональных консультаций по вопросам коммерции, экономики, финансов и т. п.» [4]), однако заимствованный произносительный вариант слова не соотносится с уже существующим в русском языке исходным *консультация* и со «словообразовательным местом» в системе для слов с суффиксом *-инг* как слов, обозначающих процесс (*консалтинговая фирма; «Консалтинг-групп»; консалтинговые услуги*). При этом в словарь включено именно *консáлтинг*.

Еще разрушительнее употребление слова *коворкинг* (см.: МК. 15.07.2013):

Короли из коворкингов

Департамент науки, промышленной политики и предпринимательства Москвы уже второй год развивает сеть городских коворкингов — деловых центров, в которых можно арендовать рабочее место и воспользоваться массой полезных сервисов.

На дворе стоял 2010 год, рынок недвижимости упал после кризиса. Некоторые коммерсанты стали «дробить» офисные помещения под отдельные рабочие места и предлагать их на час, на месяц. Так в Москве появились первые частные коворкинги (от англ. «coworking» — совместная работа). <...> В одном из них, в районе метро «Курская», и сняли «свой угол» Екатерина с коллегой. Нормально организованное рабочее пространство, переговорная комната, кофе-машина — большего и не требовалось. <...> На вопрос,

не смущала ли изначально инвесторов «прописка» фирмы в **коворкинге**, Екатерина отвечает: «Наоборот, это даже играло нам на руку». <...> Сейчас в Москве известно около 10 коммерческих **коворкингов**. Поддержать развитие инфраструктуры для малого бизнеса взялся город. На открытие первого муниципального **коворкинг-центра** приезжал сам Сергей Собянин. Сейчас работают **коворкинги** «Нагатино» и «ВАО» (на Средней Первомайской).

– Открытие следующего **коворкинга** мы планируем в конце августа в Троицке, на территории Новой Москвы, далее в планах – **коворкинги** в ЦАО (на улице Радио) и в Южном округе (на Автозаводской), – комментирует «МК» руководитель проекта по развитию сети **коворкингов** Агентства «Малый бизнес Москвы» Александр Колодезный. <...> **Коворкинг** – это трамплин, «точка входа» для предпринимателей, мы позволяем большему числу москвичей войти в деловую среду, экономя начальный капитал. В «**Коворкинге** ВАО» на 377 кв. метрах роздано 80 рабочих мест: 60 предназначено для небольших компаний (2–5 человек), а двадцать держат для фрилансеров. Помимо тихой зоны и переговорных в арсенале – кухня с микроволновкой, детская комната. До метро – пять минут, рядом магазины, кафе. Пока **коворкинг** продолжает работать в тестовом режиме бесплатно, открыт с 8 утра до 12 ночи. Средний возраст предпринимателей в «**Коворкинге** ВАО» – примерно 25–30 лет, – говорит Колодезный).

Искаженное «английское» звучание скрывает внутреннюю форму слова даже от знающих английский язык, хотя особое значение (сразу и «место для работы», и «возможность получать нужную информацию и нужные советы», и даже «с включением кухни и детской комнаты») позволяет заполнить лауну в лексической системе русского языка – слово используется для обозначения нового явления в экономике, но нарушает принцип образования и употребления дериватов с суффиксом **-инг**, поскольку для русскоязычного процессуальная сущность ощущается в этом слове еще меньше, чем в *консалтинг*. Очевидно, что в обоих случаях нужда в обозначении нового явления жизни была реализована простейшим и уже давно привычным способом – заимствованием. Но при этом оказался нарушенным не только переживший века способ русского суффиксального словообразования, но и новый, уже принятый для обозначения процессов. Характерно, что, прочитав только за-

головок, ни лингвисты-русисты, ни лингвисты-англисты слово *коворкинг* не понимали и не связывали с английским *coworking*. Тем, кто не знает английского языка, непонятно, хотя и не нарушающее систему, еще одно новое заимствование – *лоукостер*: *Правда, компаний-лоукостеров пока мало* (МК. 26.07.2013). Из текста статьи становится ясно, что речь идет об авиакомпаниях с низкими ценами на билеты. Думается, однако, что разъяснение смысла слова не помешало бы.

Широко употребляемое новое обозначение профессии – *систадмин* (системный администратор) из-за уже привычных составляющих более понятно, но, как показал эксперимент, тоже не всем.

Заслуживает специального изучения и еще один факт, связанный с узусом русского словообразования. В первой трети XX в. широко распространилась слоговая аббревиация имен собственных (*ГалНик* – Галина Николаевна, *НатФед* – Наталья Федоровна, *Любфак* – Любовь Николаевна, студентка того же факультета, что и Галина Николаевна). В середине XX в. частотным стало именование по инициалам (*ОБэ* – Ольга Борисовна, *БээН* – Борис Николаевич, *эСПэ* – Сергей Павлович Королёв), а сейчас в обиходной семейной речи предпочитается аббревиатурная суффиксация (для моей племянницы я *ОБэшка* или *ОБэшечка*). Этот факт – наглядное свидетельство меняющихся принципов именования людей в неофициальном общении, а изменение принципов – это уже явление не узуса, а системы.

Узус может «оптимизировать систему», распространяя ее принцип на те случаи, которые в кодифицированной норме в систему не включены. Так, в принципе в русской глагольной системе типично противопоставление глаголов по виду, осуществляемое разными средствами: образование совершенного вида от несовершенного при помощи приставки (*читать* – *прочитать*, *дочитать*, *перечитать*), а несовершенного от совершенного – при помощи суффикса (*прочитать* – *прочитывать*, *дочитать* – *дочитывать*, *перечитать* – *перечитывать*). Многие заимствованные глаголы были двувидовыми, но по мере адаптации к русской системе они тоже включались в противопоставление, создаваемое теми же

средствами, что и у исконных: *организовать* – *организовывать*, *имитировать* – *сымитировать*, *информировать* – *проинформировать*, и даже *организовать* – *сорганизовать* и т. д. В результате образовавшиеся в русской глагольной системе отклонения от системного принципа явно начали устраняться: заимствованные двувидовые глаголы стали подчиняться системному принципу русского языка в области видообразования. В данном случае трудно сказать, что является причиной, а что следствием. Вполне возможно, что изменения в узусе – результат потребности четкого выражения предела действия или отсутствия предела. Однако возможно и другое: узус исключил отклонения, исправил систему, а причиной была как раз ее непоследовательность, созданная заимствованиями (русские двувидовые глаголы – редкость: *венчать*, *завещать*, *родить*, *казнить*).

Наблюдения показывают, что нередко изменения узуальных норм вызываются какими-либо недостатками системы («болевы» участки неправильных глаголов порождают их нелитературное оформление: *хотеть* – *хочу* – *хочешь*, но *хотим*, *хотят* приводит к появлению *хочем*, *хочут*). Иногда принцип реализации системных оформлений спряжения закрепляется в кодификации (узуальность *чтят* привела к разрешению этой формы от глагола *читать* наряду с уже вытесняемой *чтут*).

«Болевой» участок отсутствия изменений по числу у некоторых существительных породил появление множественного числа у существительных *риск*, *инициатива*, а у существительного *поиски* – формы единственного числа (сейчас вполне нормативны и *поиск*, и *риски*, и *инициативы*). «Болевой» участок если не ликвидирован, то во всяком случае сужен.

Таким образом, источником изменений в узусе может быть и система с наличием в ней «болевых» участков.

Изменения в узусе происходят с разной скоростью и в разных направлениях даже на протяжении жизни одного человека. Не все они благотворны для системы и для общения. С одной стороны, такие изменения возникают ради облегчения общения (стремление что-то обозначить одним словом, потратить меньше сил на выбор более точного из

возможных синонимов), с другой стороны, облегчение усилий адресанта нередко вызывает затруднения в понимании сказанного адресатом, о чем свидетельствуют звонки в интерактивную «Службу русского языка» на Саратовском ВГТРК. Часто это непонимание услышанных или прочитанных заимствованных слов, но иногда и русских неологизмов (*нищеброд*). Если что-то новое становится употребляемым регулярно, то постепенно контекстуальное восприятие употребленного делается не только привычным, но и уже, хотя бы смутно, понимаемым (как, например, слово *электорат*). Более опасны те «облегчения», которые приводят к обеднению системы языка: одно *аккурат* вместо многочисленного синонимического ряда; вытеснение *довольно*, породившее абсурдные сочетания не только типа *достаточно плохо*, но даже *Состояние оказалось достаточно неприемлемым* (для чего достаточно?); замены огромного количества экспрессивных возможностей литературного русского языка очень ограниченным матом, тем более снятие с него табу и использование не только ради предельного оскорбления, но и как слов-паразитов.

К сожалению, многие политики, политики и даже журналисты далеко не в полной мере обладают так называемым чутьем языка, то есть у них нет полного представления о системе русского языка, они не владеют ее возможностями. Отсюда нередко бездумное, хотя из лучших побуждений, стремление пополнить ее окказиональными неологизмами (*путинг*, *нищеброд*), не всегда нужными заимствованиями (в 90-е гг. вытеснение русского *подросток* английским *тинейджер*), фактическая криминализация (*наехать*, *наезды*, *крыша*, *крышевать*, *разборки* и т. д.) и жаргонизация литературного языка. В результате кроме полезного обогащения системы (*беспредел*, *офисный планктон*) получается и элементарное засорение литературного лексикона грубой (*быдло*), просторечной (*аккурат*, *схожий*), жаргонной (*отмывать*, *крышевать*, *общак*) лексикой, ненужными заимствованиями (*шоп*, *молл*), приводящими вместо обогащения системы к ее обеднению по причине выведения из узуса привычной литературной

лексики или к явному господству в нем лишь одного из синонимов.

Обеднение системы и узурпация лексикона, а также его засорение создают риск непонимания, легко преодолеваемый в обычном неофициальном общении, но нередко очень вредящий профессиональному общению, а при намеренном непонимании легко провоцируют и социальные риски, возникающие в общении власти с оппозицией и населением (использование оппозицией нечеткости разграничения терминов *госслужащие* и *занимающие государственные должности*, вызвавшей возможность спекуляции формулировкой закона во время выборов президента РФ в 2012 г.). Однако самым большим риском является обеднение системы русского языка – до сих пор одной из богатейших в мире.

Язык можно и нужно обогащать, в том числе и заимствованиями, но необходимыми и не разрушающими систему. В поддержке или борьбе с ними очень важную роль играют СМИ. Поэтому в подготовке журналистов на это следствие их работы нужно обязательно обратить внимание. От языковой компетентности журналистов во многом зависит не только речь населения страны, но и судьба языка – нашего национального достояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изменения в языке научной прозы / С. А. Бах, В. А. Богданова, О. Б. Сиротинина [и др.] // Вопросы стилистики. – Вып. 3. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969. – С. 37–55.
2. Изменения в языке публицистики / С. А. Бах, В. А. Богданова, О. Б. Сиротинина [и др.] // Вопросы стилистики (на материале международных обзоров). – Вып. 3. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969. – С. 5–36.
3. Кормилицына, М. А. Язык СМИ : учеб. пособие / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2011. – 92 с.
4. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : ЭКСМО, 2005. – 944 с.
5. Русский орфографический словарь / РАН ; отв. ред. В. В. Лопатин и О. Е. Иванова. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 896 с.
6. Сиротинина, О. Б. Коммуникация: социальные и профессиональные риски ее срыва и его негативных последствий / О. Б. Сиротинина // Научное обозрение : Гуманитарные исследования. – 2012. – № 1. – С. 132–137.
7. Сиротинина, О. Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений / О. Б. Сиротинина // Проблемы речевой коммуникации. – Вып. 12. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2012. – С. 5–13.
8. Слово в языке и тексте : сб. статей к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской / под общ. ред. О. А. Горбань, Е. М. Шептухиной. – Волгоград : Волгогр. науч. изд-во, 2011. – 419 с.

SYSTEM, USAGE AND THE RISKS OF THEIR CHANGE

Sirotinina Olga Borisovna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Department of the Russian Language and Speech Communication,
Saratov State University,
Honoured Science Worker of Russia
skunak@mail.ru
Astrakhnenskaya St., 83, 410012 Saratov, Russian Federation

Abstract. The paper deals with changes in the system and usage of the Russian language within the lifetime of one person. The author identifies causes and effects of the changes, namely the enrichment or impoverishment of the language.

Key words: Russian language, system, usage, changes, risks, enrichment and impoverishment of the language system, borrowings.